

3. Материалистическая диалектика : крат. очерк теории / П. Н. Федосеев [и др.]. – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1985. – 350 с.
4. Кудряшова, Е. Н. Вопросы типологии и правового закрепления юридической техники / Е. Н. Кудряшова // Право.by. – 2020. – № 2. – С. 15–21.
5. Мательский, А. Ф. Нормотворчество в цифровом формате как эволюционный этап развития электронного государства / А. Ф. Мательский // Право.by. – 2021. – № 5. – С. 29–36.
6. Коваленко, Е. И. Планово, оперативно, качественно – новое в законодательстве о нормотворческой деятельности / Е. И. Коваленко // Право.by. – 2021. – № 1. – С. 5–8.
7. О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 февр. 2012 г., № 3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://pravo.by/document/?guid=3871&р0=pd1200003>. – Дата доступа: 15.03.2023.
8. Банк данных проектов законов Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/bank-dannykh-proektov-zakonov-respubliki-belarus/bank-dannykh-proektov-zakonov-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 15.03.2023.
9. Юридический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://multilang.etalonline.by/>. – Дата доступа: 15.03.2023.
10. Коваленко, Е. И. Цифровые инновации нормотворчества в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» / Е. И. Коваленко // Право.by. – 2019. – № 3. – С. 18–22.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИМПЕРАТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Кузьмин Андрей Владимирович

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
кандидат юридических наук, доцент

В современном праве одной из важных является проблема разумного сочетания и оптимальной защиты взаимных интересов государства и личности. При этом и личность, и государство формируют систему юридического взаимодействия не только в рамках концептуального диалога «публичное – частное», но и формально-юридического монолога «императивное – диспозитивное». Идеальными нарративами такого рода взаимодействия выступает максимально желаемое, но практически не достижимое полное и непротиворечивое совпадение интересов государства и личности. Например, реализация человеком права на свободу передвижения конфликтует с интересами государственной безопасности государства,

устанавливающего режим пограничной зоны, именные проездные документы и т.п. Практика показывает, что такого рода конфликты решаются в основном в пользу государства.

Однако вряд ли уместно говорить о безосновательности доминирования государства в случае выявления конфликта государственных и частных интересов.

Прежде всего, личность реализует свой интерес как действиями по учреждению органов государственной власти путем участия в выборах, что указывает на первичность мнения личности (совокупности людей, группы личностей, гражданского общества) в управлении государством, так и путем правореализационных действий. А это фактически устанавливает приоритет прав личности над интересами государства. В Российской Федерации, в частности, это формализуется провозглашением в статье 2 Конституции РФ прав и свобод человека высшей ценностью, что указывает на подчиненность прав государства правам личности.

Кроме того, личность, непосредственно на референдуме или опосредованно через своих представителей в органах государственной власти, определяет от имени государства возможность и допустимость ограничения своих субъективных прав, устанавливая институциональные и инструментальные параметры введения и реализации таких ограничений.

Следовательно, нет никаких противоречий, когда государство определяет пределы своих интересов во всех сферах общественной жизни, объективно поддающихся правовому регулированию. Самостоятельное определение интереса заключается в установлении нормативными правовыми, правоприменительными, интерпретационными актами режима реализации публичных (властных) интересов и установлении рамок реализации личностью своих прав.

Ключевым элементом данной конструкции выступает возможность государства (фактически – граждан, выступающих от его имени) устанавливать пределы правил поведения личности по своему усмотрению в зависимости от конкретных условий субъекта, места, времени. В эту систему вполне вписывается и предположение о возможности применения обратной силы закона в случаях, установленных государством.

Всё это вытекает из признания суверенитета государства, заключающегося в самостоятельности принятия решений и независимости от каких-либо внутренних и внешних факторов. Интересы государства основаны на его суверенитете и во многих случаях правомерно преобладают над интересом личности исходя из объективной потребности в обеспечении государством не только собственных интересов, но и безопасности личности. Наиболее ярко это проявляется в сфере предпринимательских отношений, где индивидуальные, частные интересы испытывают на себе воздействие государственно-властных механизмов, обеспечивающих, в первую очередь, интересов государства, а лишь затем – интересов общества и личности. При этом можно говорить о различных сторонах общественной жизни, каждая из которых вне правовых ограничений может сформировать обособленные

системы ценностей - для личности и для государства. А если говорить об интересе общества в целом, то объективные параметры его обособления, расслоения и стратификации демонстрируют его очевидную неоднородность и разнонаправленность. В том числе и наличие неправомерных экономических и политических интересов некоторой части общества. Например, значительный экономический эффект от оборота наркотических веществ или оружия пресекается государством, в частности, уголовно-правовыми запретами, обусловленными социально недопустимыми последствиями от оборота такого рода предметов. Правомерные же экономические ожидания, например, от стандартных экспортно-импортных операций могут быть пресечены реализацией политических или экономических интересов государства, направленных на стремление установить неблагоприятные последствия для экономики недружественных государств или благоприятные условия для внутреннего предпринимательства.

Следует иметь в виду, что государство в любой момент имеет возможность пересмотреть рамки предоставленных личности прав. Такой пересмотр может быть осуществлен в следующих формах:

Во-первых, в форме правотворческой деятельности можно закрепить усложнение процедуры реализации гражданами своих прав и свобод. Например, установление обязательного претензионного порядка рассмотрения требований, заявляемых хозяйствующими субъектами. Это ограничение препятствует реализации права гражданина на непосредственное обращение в суд.

Во-вторых, в форме правоприменительной деятельности. Например, отказ от признания правомерности конкретного интереса личности на основании угрозы безопасности государства при принудительном исполнении решения иностранных судов (оговорка о публичном порядке) и, как следствие, неисполнение такого решения.

В-третьих, в форме интерпретационной деятельности. Это официальное толкование правовой нормы в контексте формирования правоприменительной практики с учетом государственного интереса.

Вместе с тем, современное мироустройство и развитие цифровых технологий существенным образом ограничивает возможности государства эффективно и контролируемо реализовывать собственные интересы и обеспечивать их приоритет над иными интересами – личности, общества, иностранного государства. Подобное положение вызвано двумя факторами.

Во-первых, возможностью дистанционной реализации интереса, не совпадающего с государственным. Например, блокировка социально и идеологически неприемлемых для государства информационных ресурсов ограничена возможностью использования технологий VPN или особенностями алгоритмов шифрования данных. А финансовая безопасность государства зачастую находится под угрозой действующих из-за рубежа мошенников.

Во-вторых, формированием манипулятивных технологий, тактик и стратегий, направленных на обезличивание субъекта совершаемых действий.

Причём как правомерных, так и неправомерных. В первом случае возникает соблазн понижения уровня безопасности в процессе осуществления вполне правомерной деятельности. Например, при широком внедрении искусственного интеллекта возникает сложность определения ответственного субъекта за причинение ущерба в рамках данной деятельности. В частности, перевозки грузов беспилотным автомобильным транспортом вызывают необходимость установления субъекта юридической ответственности. А это может вызвать серьезные юридические коллизии, когда к ответственности будут привлекаться совершенно разные субъекты – операторы ввода данных, технические механики, разработчики программ, собственники или контролирующие деятельность юридического лица субъекты. Во втором случае, при неправомерном использовании технологий искусственного интеллекта возникают похожие проблемы, но не столько юридического, сколько оперативно-розыскного свойства.

Таким образом, разрешение конфликта публичного и частного интереса в современных геополитических, экономических и технологических условиях, должно базироваться на следующих условиях:

1. Обоснованием допустимости ограничения частных интересов выступает формирование обществом органов государственной власти, которые наделяются гражданами возможность ограничивать права самих граждан.

2. В рамках, установленных законом, интересы личности должны иметь преимущество над интересами государства с согласия последнего (желательно предварительно закрепив это в императивных нормах).

3. Должно признаваться право государства, исходя из его суверенитета на полную самостоятельность, устанавливать пределы реализации прав и свобод как самого государства, так и личности. А с учётом особенностей текущего времени, такого рода право позволяет формировать императивную систему правового регулирования, включая деконструкцию и/или позитивную деформацию любых частноправовых институтов.

«ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кукштель Виктория Александровна

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
старший преподаватель

Признание общественной опасности экономических преступлений мировым сообществом, их повышенную угрозу для государства и общества в сравнении с общеуголовными формами преступности, стремительную адаптацию преступлений в сфере экономики к процессам, трансформирующим экономическую и законодательную сферы,